60 лет спустя

Некоторые современные историки представляют инициативы Берии началом реформ, поворотом от кровавой диктатуры к умеренно-демократическому управлению. На чем они основываются? В том-то и дело, что в обоснованиях они не нуждаются. Нереализованное будущее – благодатный материал в руках наделенных фантазией, историков, его можно лепить, как заблагорассудится. Доказывать что-либо бессмысленно. Фантазии – на то и фантазии, чтобы не требовать доказательств. Эти люди творят свою, альтернативную историю.

Я не могу себе представить Берию демократом. Антисталинистом? Безусловно, да. Сталина он ненавидел. Реформатором? Возможно, но очень своеобразным реформатором. А вот демократом – никогда. Естественно, что это всего лишь мое мнение, но мнение человека поколения, кое-что повидавшего, воспринимающего события тех лет изнутри как часть своей собственной судьбы.

Человек умный и хитрый, Берия понимал, что без временных послаблений ему власть не удержать. Да и опыт такой уже у Берии поднакопился. После низвержения Николая Ежова и воцарения в 1938 году на Лубянке Берии Сталин на время ослабил репрессии, дал стране глоток воздуха, чтобы потом с новой силой взяться за старое.

Да, Берия развенчал бы Сталина, попытался бы договориться с Западом, но он не занялся бы строительством пятиэтажек и вообще жилья, целиной, – судьба и жизнь людей его интересовали, если они оказывались ему полезны. Как и Сталин, Берия относился к людям как к строительному материалу. Раньше или позже, а вернее, в точно рассчитанное время, он начал бы сгонять народ в новые концлагеря, превращать «человеческий материал в лагерную пыль».

Последнее время стало модным повторять, что все они там, наверху, одним миром мазаны, одинаково народной кровью запачканы. Это так и не так. Сталин старался повязать кровью всех своих соратников, заставлял всех «вкруговую» подписывать расстрельные списки. На заседании Политбюро Сталин расписывался первым и пускал лист с перечнем обреченных по кругу. Попробуй не подпиши! Не расписывались только те, кто по случайной случайности в тот день отсутствовали. В этом смысле отцу повезло, в период работы в Москве он до Политбюро не дорос, а после переезда на Украину в большинстве заседаний не участвовал. В результате его подписи на расстрельных постановлениях нет.

Но подпись под приговором еще не главное, внутреннее содержание человека проявлялось не в коллективе, а когда он действовал в одиночку. Одни из соратников Сталина по мере возможностей не усердствовали, старались смягчить репрессии, к их числу принадлежал и отец. Другие, особенно Каганович и Молотов, услышав команду «Фас!», в угоду «хозяину» проливали море крови, даже много больше, чем от них требовали. Но только Берия насла-

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

ждался, лично пытая, избивая арестованных, особенно своих недавних друзей и знакомых. Таким был его образ жизни и его способ управления страной – через страх и пытки, пытки и страх. На этом он вырос и к этому не мог не вернуться. Дело тут, как мне представляется, не в политической целесообразности, а в патопсихологии.